

ния и т. д.). Он постигает жизнь, причем в притче это постижение как прямое, так и опосредованное. В сказке оно скорее опосредованное (герой идет от самого простого к самому сложному и тем самым совершенствуется).

Герою сказки помогают выйти из сложного положения волшебные предметы (клубок ниток, платочек, полотенце и соломинка, медная трубочка и моточек и др.). а блудному сыну все трудности и тяготы доводится преодолевать самому. Но сближает сказку и притчу то, что герои эти трудности и тяготы в итоге преодолевают. Преодолев самое сложное, они *возвращаются*, но уже *в новом качестве и с приобретенными новыми качествами*. Дело в том, что если человек не приобретает новых качеств, он не может вернуться (или же он возвращается, но возвращается в незнаное, неизвестное, и ему опять надо все проходить сначала, если, конечно у него на это есть желание и хватит жизненных сил). Именно приобретенный опыт, знания, все то, чего раньше у него не было, и дают шанс на спасение. Проблема только в том, какими путями достичь этого спасения. И будний сын, и герой сказки нашли свои пути, и они оказываются уже на другой ступеньке своего нового бытия. А чтобы оказаться на ней, нужно пройти предыдущие ступеньки формирования, приобретения опыта.

Вернувшись, герой волшебной сказки, как правило, сразу становится *царем*. В отличие от него, младший сын в евангельской притче может стать «царем» (в самом широком смысле слова) только спустя определенное время. Пока же он может довольствоваться

тем, что отец его принял, простил и наладил в честь его возвращения пир. Момент пира, свадьбы присутствует и в волшебной сказке. Пир в волшебной сказке и в притче о блудном сыне, можно сказать, мало чем отличаются один от другого. Правда, в волшебной сказке есть уточняющая концовка от сказочника: «И я там был, мед-вино пил, по усам текло, а в рот не попало» [3; 4]. Пир же в притче о блудном сыне более реалистичен. На это указывает хотя бы замечание старшего сына отцу на предмет того, что ради возвращения младшего сына он не пожалел откормленного теленка. В данном случае волшебная сказка и притча о блудном сыне оканчиваются одинаково — пиром. А так ли уж случайно подобное совпадение?

А после пира, как известно, начинается новый будний день...

В жизни каждого человека случаются переломные моменты. Переход во взрослую жизнь, женитьба или выход замуж, переезд на новое место жительства, потеря близкого человека... Список можно продолжать. Часто такой момент связан с кризисной ситуацией, в которую человек попадает либо по своей воле, либо в силу обстоятельств. Выход из положения, если человеку удается его найти, означает своего рода преступление порога и переход на качественно новый уровень жизни.

Факт возвращения и сказочного героя, и блудного сына уже сам по себе имеет огромный позитивный и созидательный потенциал. Оба героя воскресают в новой ипостаси. Поэтому однозначно можно утверждать, что и у блудного сына, и у героя волшебной сказки после возвращения начнется уже иная жизнь.

Источники и литература

- Неёлов Е. М. От волшебной сказки к литературе: фольклорная трансформация евангельской традиции в учении Н. Ф. Федорова о воскрешении // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Петрозаводск, 1994. С. 262–273.
- Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2005. 331 с.
- Чарадзейная казкі. Ч. 1. Рэд. В. К. Бандарчык. Мн., 1973. 648 с.
- Чарадзейная казкі. Ч. 2. Рэд. В. К. Бандарчык. Мн., 1978. 696 с.
- Степанов Ю. С. «Свои» и «Чужие» // Константы: словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. С. 126–143.
- Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В рус. переводе с параллельными местами и приложениями. М.: Российское библейское общество, 1994.

Л. В. Живова

Домовая и прялочная роспись в Заринском районе Алтайского края. Находки домовой росписи на территории района

Традиционная роспись по дереву, расцвет которой на территории Алтайского края приходился на конец XIX – начало XX вв., в Заринском (бывшем Сорокинском) районе была представлена очень полно.

Многочисленные домовые росписи были обнаружены здесь в середине 1950-х гг. в ходе экспедиции Научно-исследовательского института художественной промышленности. По ее результатам в 1961 г. Нина Ильинична Каплан написала книгу «Очерки по народному искусству Алтая». В ней упомянуты росписи в четырех домах из деревни Гоношиха: опечек в доме Н. К. Гусельниковой [1, с. 30], полати в доме А. А. Каркавина [1, с. 33], полати в доме М. Здвижкова

[1, с. 33] и двухполотная дверь, расписанная с двух сторон, в доме Варвары Заречной [1, с. 34]. Из деревни Хмелёвка описан обнаруженный в доме В. Красиковой единственный до сих пор известный фрагмент, на котором мастер указал свое имя — опечек с двумя львами, с подписью «Акент Бушуев. 1897» [1, с. 32]. В с. Комарском роспись была зафиксирована в двух домах: потолок в избе, опечки и входная дверь [1, с. 27] в доме Я. М. Черняка и полати в доме Э. А. Лоренс [1, с. 33]. Кроме того, Н. И. Каплан сообщает о наличии в Заринском районе расписной утвари, в частности прялок и ушатов [1, с. 48]. И сейчас, полстолетия спустя, в селах Гоношиха, Сосновка, Хмелёвка,

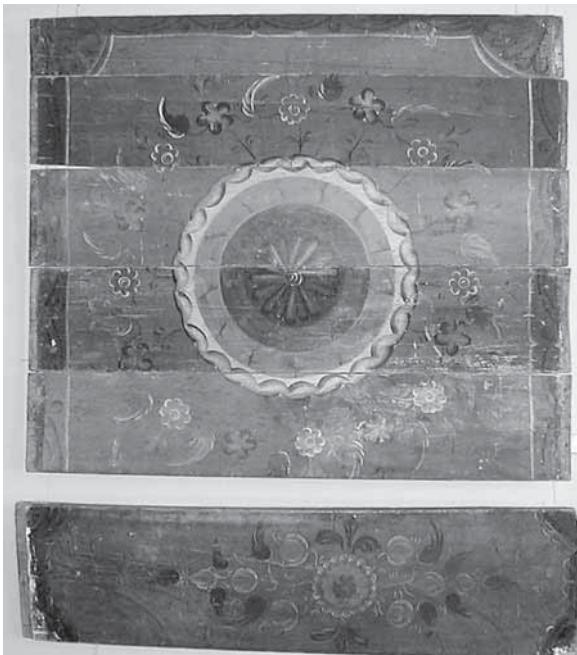

Рис. 1

Рис. 2

Среднекрасилово, Казанцево, Жуланиха, Старокопылово, Озёрное, Боровлянка, Шпагино, Староглушина этого района еще можно увидеть расписные фрагменты интерьера и предметы домашнего обихода. В ходе семи экспедиций отдела традиционной русской культуры ГХМАК за период с 1992 по 2008 гг. в Заринском районе были зафиксированы в виде фотографий и зарисовок: один потолок, пять полатей, три опечки, десять дверей, два шкафчика, три сундука, а также 34 прялки, украшенные росписью. Из них привезены в музей полати, голбец, двустворчатая дверь, сундук, шкафчик и пять прялок.

Роспись полатей и деревянной обшивки печи

Судя по обнаруженным фрагментам и по воспоминаниям старожилов Заринского района, здесь на рубеже XIX–XX вв. широко бытовали целые расписные домовые комплексы, включавшие в себя роспись избы и горницы. Выполнялась она мастерами, специализировавшимися на этом виде отделки.

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

В Заринском районе работал красильщик Петушок, его помнят в Хмелёвке и Ново-Дресвянке, а в Гонозихе в доме Ильи Артамоновича Каркавина, 1929 г. р., сохранились полати и голбец его работы, в очень хорошем состоянии. Эта мастерски выполненная роспись является одним из лучших образцов народного искусства в коллекции ГХМАК (рис. 1). Черно-белая фотография этих полатей была помещена в книге Н. И. Каплан без указания имени мастера [1, рис. 7]. Установить его удалось только в ходе экспедиции 1992 г. Красильщик Петушок расписывал этот дом в 1911 г. Он ходил по деревням, красил дома за плату, краски готовил на месте, где жил – неизвестно.

Фон росписи красно-коричневого цвета, с фактурной разделкой. На полатях – центрическая композиция. Интересно, что Петушок соединил в росписи по-

Рис. 6

Рис. 7

латей два солярных мотива: геометрическую розетку из разноцветных кругов и цветочный венок. В центре композиции изображен синий цветок-розетка, который окружает три концентрических круга зеленого, желтого и белого цвета, последний акцентируется бело-синим фестончатым краем. Завершается композиция венком из голубых и красных цветов с зелеными и охристыми листьями. По краю полатей – темно-синее обрамление в виде полукружьев с тональной разживкой более темного оттенка. В углах обрамления – четвертинки розеток. В синих розетках и обрамлении, имитирующих лепные украшения богатых интерьеров, видно влияние стилей профессионального искусства, в частности барокко.

Композиции с розеткой в центре и четырьмя розетками по углам в народном искусстве трактуются как пространство со сторонами света, как движение небесных светил, как годовое вращение солнца. Красильщик Петушок, сделав на зеленом и желтом кругах разнонаправленные штрихи, очень изобретательно создал убедительное впечатление вращения солнца вокруг оси, а также, соединив тоненькими веточками каждый цветок из венка с солнечным диском, показал животворящую силу солнца.

Роспись голбца сделана им тоже очень профессио-

нально (рис. 1). Симметричная гирлянда с композиционным центром в виде многолепесткового маxрового цветка-розетки состоит из охристых бутонов и синих листьев, которые соединяются веточками нежно-голубого цвета.

В с. Сосновка еще недавно можно было увидеть целый расписной печной комплекс в первозданном виде¹. В старинном доме сохранилась роспись на опечках русской печи, на полатах, на полке-грядке. К сожалению, после смерти старых хозяек дом был продан, и новые хозяева стали разбирать его на стройматериалы. В это время в районе работала наша экспедиция совместно с Заринским краеведческим музеем, и позднее, с разрешения владельцев, расписные детали были перевезены в Заринский музей, где и находятся в настоящее время.

Композиции этого комплекса традиционны: на полатах написаны цветочные круги, а на опечках, по насыщенному оранжевому фону, пущены симметричные, расположенные по горизонтали цветущие кусты. Роспись очень богатая, нарядная, красивая. Голубые, желтые, коричневые цветы, светло-зеленые и темно-зеленые листья выполнены уверенной рукой мастера (рис. 2, 3). Максимальное сходство в композиционном и цветовом решении наблюдается между

¹ Информация о наличии росписи в Сосновке была любезно предоставлена нам Т. К. Щегловой, д-ром ист. наук, профессором Алтайской государственной педагогической академии.

Рис. 8

Рис. 9

полатями из Сосновки (рис. 2) и Боровлянки (рис. 4) – цветочные венки составлены из почти одинаковых цветочков и листьев, и написаны они в обоих случаях очень близко друг к другу. Цветы с длинными лепестками – белые с синей разживкой, маленькие зеленые листья. Все это свидетельствуют о том, что выполнил их один и тот же мастер.

Полати из Озерного отличаются более разреженной композицией. Цветы-розетки с короткими лепестками, а листья крупные, длинные (рис. 5). Бело-синие фестончатые круги сложнее, чем на полатях из Боровлянки и Сосновки. Такие же круги и листья можно увидеть на фрагментах полатей из Жуланихи. Здесь также виден почерк одного мастера.

Остается предположить, что полати из Сосновки и Боровлянки принадлежат одному автору, а полати из Озерного и Жуланихи – другому. В то же время все эти полати имеют схожие черты, и, возможно, это работа одного красильщика, который жил в одном из этих сел, расположенных недалеко друг от друга.

Расписные двери

В интерьере крестьянских домов на территории всей Сибири и на Урале отмечено два вида росписи дверей. Это, во-первых, однополотные двери с букетом в вазоне, который часто трактуется исследователями как древо жизни. Они изготавливались из мас-

сивных досок, представляя собой обширную гладкую плоскость, и вели в избу, кладовку или в подпол. Во-вторых, расписывались и филенчатые двери в горницу – в каждом прямоугольнике, обрамленном рейками, помещались одинаковые повторяющиеся цветочные гирлянды.

Однополотные двери, встреченные в Заринском районе, бывают всех оттенков красного цвета: от розового и оранжевого до красно-коричневого и бордового. Например, дверь, зарисованная в Жуланихи (рис. 6), покрашена в яркий розово-оранжевый цвет. По краям – окантовка в виде занавеса контрастного синего цвета. Композиция росписи строится по осевой симметрии: вытянутое по вертикали цветущее древо с как бы нанизанными на ствол маленькими четырех-пятилепестковыми цветочками белого и розового цвета, растущее из маленького вазона. Центром композиции является крупная, синяя с белым, вихревая розетка с махровыми лепестками. Подобная роспись была зафиксирована также на двери в кладовку в с. Черкасово Кытмановского района (рис. 7), в 60 км на северо-запад от Жуланихи.

Изображения людей в интерьерной росписи были редки, и до сегодняшнего дня их сохранилось совсем немного. Все же в Озерном удалось зафиксировать дверь в избу, на которой нарисован фронтально стоящий мужчина. Фигура его выполнена не столь профес-

сионально, как обрамляющий его растительный узор, но по уверенной позе, папахе, плетке и грозному выражению лица сразу видно, что это казак (рис. 8).

Двустворчатые двери, привезенные из Среднекрасилова, представленные в экспозиции «Живая старина» в ГХМАК, — яркий пример росписи филенчатых дверей, характерной для Алтайского края. Роспись выполнена с обеих сторон двери, причем в разных вариациях. На одной стороне мастером использованы красные, охристые, зеленые цвета, гармонично сочетающиеся между собой. Традиционное расположение мотивов на филенках в виде вертикальных гирлянд здесь выглядит легким, ажурным, динамичным. На другой стороне двери подобная композиция дополняется новыми мотивами — крупными листьями. Цветовое решение обогащается введением синего и черного цвета (рис. 9).

В росписях филенчатых дверей особенно ощущимо влияние городской культуры. Так, на дверях из Казанцева на светлой росписи филенок, контрастно обрамленных темно-бордовой краской, присутствует элемент, имитирующий лепные украшения городских интерьеров. Такое украшение филенок зафиксировано нами только на этих дверях (рис. 10).

Птицы и животные на расписных прялках

Прялки из Заринского района отличает разнообразие мотивов и оригинальность композиций. Нередко на лопасках встречается упрощенное изображение дерева жизни в виде расположенных ромбом 4–5-лепестковых цветов, соединенных веточками-припiskами. К этой основе добавляется пара перистых листьев внизу и две или одна маленькие птички наверху дерева. Примером может служить прялка, зарисованная в 1992 г. в с. Новокрасилово (рис. 11). Это — самый распространенный в Алтайском крае тип композиции. Тем не менее роспись на прялке П. Ф. Келенко-вой из с. Новозыряново, хотя и построена по этому принципу, обнаруживает известную свободу трактовки: тут на светло-коричневом фоне вместо четвертого верхнего цветка изображена крупная птица с большой головой и маленькими ножками (рис. 12). Примечательно и то, что три цветка на этой прялке разного цвета: синего, красного и зеленого. Это, вместе с забавной малиновой птицей, придает всей композиции легкость и непосредственность.

Хочется рассмотреть самые необычные, интересные и красивые прялки, найденные в этом районе.

Уникальным экспонатом в коллекции ГХМАК является прялка, привезенная из с. Среднекрасилово, — на ней вместо птицы над деревом жизни изображена желтая львица с длинным хвостом, что является редкостью, если не исключением для композиции прялок (рис. 13). Во всяком случае, нам не встречались изображения львов на прялках ни в экспедициях, ни в литературе, ни в музеях. Мастер, уверенной рукой написавший цветочную композицию из привычных стилизованных элементов, был менее ловок в передаче головы зверя. По всей вероятности, этот мотив, традиционный для росписи однополотных дверей, был достаточно нов для прялочного декора и не со-

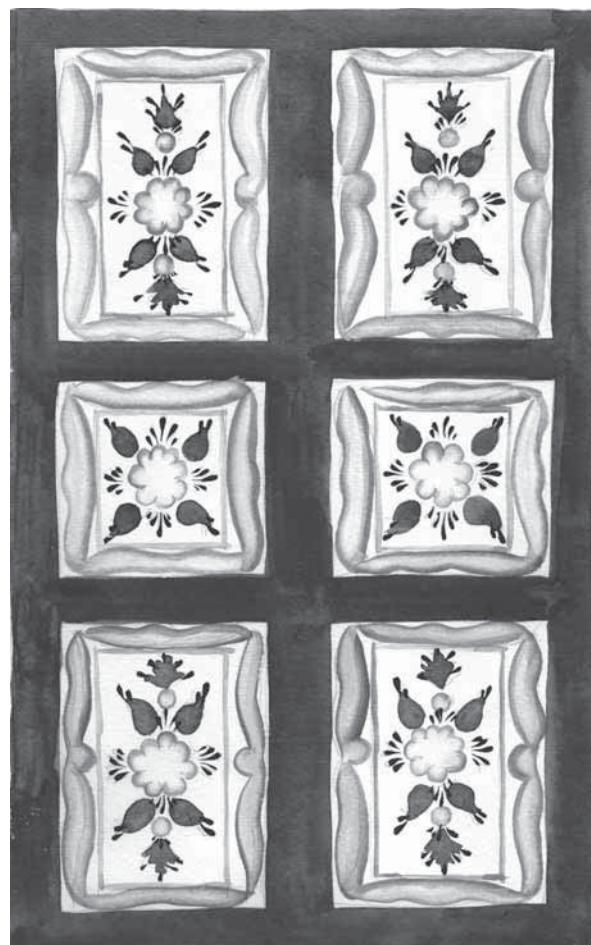

Рис. 10

всем освоен красильщиком, специализировавшимся, по-видимому, на украшении прялок. В то же время львица очень выразительна: светящийся желтый цвет, зеленоватой разживкой показаны шерсть на спине и груди львицы, что контрастирует с красно-оранжевым фоном. Мастер точно передал кошачье-львиную пластику хищника, уверенный грозный вид. И цветы в композиции выбраны подходящие — синие и розово-сиреневые громовики. По цвету эта прялка самая яркая и светлая в нашей коллекции.

На прялочке из с. Шпагино — тоже не совсем обычна композиция (рис. 14). Здесь нет ни дерева, ни куста, ни букета. Внизу и вверху лопасти изображено по одному цветку-розетке с отходящими в стороны листьями и ягодками, а центр лопасти занимает большой петух, написанный очень мастерски, даже натуралистично. Правильно переданы пропорции и строение тела птицы, характерные для нее поза и движение. Цвет фона такой же, как на прялке со львом, петух, как и лев, желтого цвета. Мазки с разживкой, показывающие оперение петуха и передающие некоторую объемность, — коричневого, темно-зеленого и светло-зеленого цвета — вместе с оригинальностью композиции позволяют почти с уверенностью утверждать, что эти две прялки расписывал один и тот же мастер.

Изображение петуха можно видеть и на детской прялочке, зарисованной в Хмелевке в 1992 г. На редко

Рис. 11

Рис. 13

Рис. 12

Рис. 14

Рис. 15

встречающимся черном фоне в нижней части лопасти различными оттенками красного и белого цветов живописными длинными мазками изображен петушок (рис. 15). С другой стороны лопаски можно разглядеть двух маленьких серо-зеленых птичек.

В отличие от предыдущей прялки, где петушок красного цвета, петушки или курочки на прялке из с. Староглушенка написаны оттенками белого и серого цветов лишь с небольшим добавлением красного. Роспись здесь яркая, нарядная — на зеленом фоне красные с разбелом цветы-бутоньи и курочки мастерски, легко и свободно изображены красильщиком (рис. 16).

Еще две прялки, привезенные нами из Заринского района, имеют большое сходство между собой, но отличаются от других. Так, на лопасти прялки-коренушки из с. Среднекрасилово изображено дерево с четким изогнутым стволом, на веточках которого растут цветы-круги коричневого, синего и зеленого цвета с белым надергом. Интересно сочетание живописности фона, цветов-кругов и листьев с несколько графическим изображением веточек и вазона, на котором по локально белому фону нанесен синий сетчатый узор. Композиционно поддерживают этот вазон две белые птички с синими перышками-крапинками, сидящие по сторонам от верхушки дерева (рис. 17). Точно такая же композиция с белым вазоном, украшенным сеточкой, и с птицами с синими перышками — на прялке, привезенной из с. Хмелевка. Отличаются цветы: это многолепестковые розетки, синие с зеленым и бе-

Рис. 16

льм. Почти полная идентичность росписи этих прядок говорит о том, что красильщик работал и в Хмелевке, и в Среднекрасилове или что они сделаны в одном центре и куплены жителями сел на ярмарках.

Прялку, привезенную из Среднекрасилова в 2004 г., отличает обилие маленьких симпатичных птичек. На лицевой стороне лопаски на травянисто-зеленом фоне лихо написаны бело-розовые и коричнево-белые цветы, красные листья и две коричневые, а также одна красная птичка. На обратной стороне две красные, две коричневые и одна черная пташки буквально облепили цветок с отходящими от него листьями (рис. 18).

Очень живописна прялка, хранящаяся в Заринском краеведческом музее. Цвет фона лопасти — оранжево-розовый. На ее лицевой стороне изображено дерево в виде четырех расположенных друг над другом цветов с отходящими от них в стороны и вниз гирляндами ягод и листьев. Вверху — две синие птички. С обратной стороны лопасти, в нижней части — две синие птички с зеленым моделирующим краем, цветок и листья. Изображенная на этой прялке композиция традиционна для многих районов края (рис. 19).

Приготовление краски, технология и мотивы росписи по воспоминаниям жителей

Многие информанты в Заринском районе не только помнят, как делали краску их родители, но и сами участвовали в этом процессе. Конечно, нужно учитывать, что здесь речь идет о материале, использовавшемся в больших количествах преимущественно для

Рис. 17

Рис. 18

Рис. 19

простой окраски деревянных частей печи, лавок или пола. Однако, опираясь на данные Бломквист и Гринковой о декорировании интерьера избы в старожильческих селах Бухтармы [2, с. 258–259], по технологии приготовления ее можно считать аналогичной краскам для росписи.

Вот что рассказала нам жительница с. Новозыряново Екатерина Ильинична Сафонкина о виденных ею в Старокопылове росписях и об изготовлении краски: «Вохр с горы принесем, вымоем, она отстоится, чтоб чиста была, и мы ее сушим. Олифу покупали. Высушим, олифой разведем, и пожалуйста — как можешь, такие цветы и красишь, и делаешь. Опечков так сколь красивых красили. Вот такой цветок и листики — всяко, всяко рисовали. И птички были, и кони, и коровы. Окошки белой вохрой красили, и на сколь лет хватало. А лавки всегда почему-то бордовой красили, пол желтый. Мы как-то еще не так, а старинны, старинны-то люди, у них в дом какой зайдешь — все вохрой искрашено. Бордовая, белая, желтая краска, так красиво было. И потолки красили, и опечки красили, двери красиво тоже разукрашивали. Старинные дома — сами и красили. У кого-нибудь одного появится — вся деревня собирается, смотрят — красиво было. Не сохранилось, все разбросали».

Раиса Ивановна Санникова, 1923 г. р., из Новозырянова вспоминала: «Раньше же печки из глины толкли, набивали, а чтобы она не развалилась, обшивали досками. И вот эти доски были крашены: и просто раскрашены, и цветы, и птица какая-то были. Двери в горницу обязательно были раскрашены. А у нас у

родителей не было, потому что не успели. До советской власти они жили в избушке, а потом отец дом построил, а уже разгородить и закрыть не успел — коммуна».

Анна Федоровна Змазнева родилась в Новодраченино в 1925 г. У ее родителей был большой дом с расписными стенами, потолком, полатями, опечками. Особенно запомнились ей большие красные, синие, зеленые птицы с павлиньями хвостами. Роспись была в избе на сером фоне, а горница не расписана, там было побелено. Анна Федоровна также отмечала качество краски: «К праздникам стены мыли хвощом с каким-то веществом, а не смывалась краска много-много лет. Блестело, особенно когда вымоют». Анна Федоровна также вспоминала: «Упряжь конская была с блестящими кнопочками. Расписные дуги специалисты делали — орнамент всяким цветом, поярче. С такой дугой выезжали и в праздники, и невесту сватать».

По рассказу Юлии Киприяновны Опекун, когда она была маленькая, в Новозырянове в доме, где жила ее подружка, все было расписано цветами по светло-зеленому фону — потолки, стены, полати, двери, полки: «В доме вот так вот широкая, большая полка от стены до стены — туда сельницу, квашино, все ставили. Занавесками все закрыто, и эта полка обязательно раскрашена. Голбчик был у печки раскрашенный, приделанный — для старых людей это было при-

готовлено, на голбчике они лежат, а захочут — по лесенке поднимутся, на печке погреются. Прясицы у нас у всех в селе раскрашены были. По-разному раскрашивали. Ведь тем, которые делали, надо было продать, чтоб красивое было, а некрасивое-то еще и не купят. Я в пять лет уже пряла. Маленьку детскую прялку мне папа делал, а потом уже братья».

Взрослым, вошедшим в брачный возраст девушкам покупались или дарились более качественные прядки ремесленного производства. О наличии таких ремесленников в Заринском районе свидетельствуют сообщения информантов.

Матрена Ильинична Губарева, 1918 г. р., жила в Новокопылово. Там расписывали пряди, точили пряхи, были расписанные дома: «В нашем доме потолок был белилом покрашен и круги цветками сделаны. Один круг. Комната белилась. А вот в кухне на простенках тоже цветки были, и на дверях. Прямо во всю дверь цветки. Полка, на которой мука, сельница деревянные стоят, снизу тоже раскрашена. Цветки коричневые, красные, всякие. На потолке по белому фону, а на стенах другой цвет, и потом цветки. Пол шоркали, его не красили — песком дерешь его, ногой шоркаешь».

Многие информанты вспоминали, как они сами делали краску из охры и других цветных пигментов (оранжевых, сиреневых, голубых, белых), которые во множестве встречаются и в Заринском, и в соседнем Кытмановском районах. Пигмент просеивали, несколько раз промывали и смешивали с олифой, сваренной из льняного, конопляного или подсолнечного масла. Так красили полы, окошки и даже делали самодельные kleenki. «Сами ткали, потом покрывали сваренным молоком, когда высохнет — краской с олифой. Желта, красна и темная была, и она нисколько не линяла», — рассказала Матрена Ильинична.

Зинаида Ивановна Гребенкина из Янова хорошо помнит роспись в домах и то, что ее дед, Андрей Захарович Устюгов, умел расписывать: «У мамы дом двухэтажный был, они богато жили. Сундуки были раскрашены цветочками — у мамы здоровый ящик был для зимней одежды. Которы не могут делать, купят на базаре. Мамин отец разрисовывал ящики сам — сложного ничего нет — та цветочки сделает. Одна сторона была разукрашена, которая на вид. Красные, желтые, как краску подберет. Покупал готовую краску. Он и заборки в избе красил, барышню рисовал: кусок длинную сделал, лента, как будто бы это вот так вот как по-чесанная, как бы вроде она идет к саду. Небольшой сад нарисовал. Это в мамином доме двухэтажном за-

борка, в избе — комнату делили. Я небольшая была, а барышню эту хорошо помню».

Лещева Раиса Петровна 1934 г. р., жившая в с. Старокопылово в большом доме, в котором была роспись, вспоминала: «Дом был круглый — две комнаты, кладовка, сенки. Русская печка была в избе и подтока в комнате. В избе лавки кругом. Полки в виде четырехугольника избу перегораживали и, где печка, замыкались. Печка была возле стенки: у дверей пристройка, печка прислонена к стене. Были двери, чтобы спускаться в подполье. А у западенки, у дверей лесенка на печку и на полати. Эти двери и стенка у западенки были разрисованы. На каждой плахе были цветы нарисованы: цветы в ведре и букеты большие, розовые, все разрисованы ими, и полати были так же разрисованы — такие же букеты. Цветы из кукшина на каждой плахе — цветы были большущие. Букеты различались — их много, были в ведре и так, большие букеты. Бордовый фон, цветы и розовые, и голубые, и красные — всякие. Сильно красиво, все время дивовались над нашими цветами».

Щенников Николай Семенович, 1932 г. р., из Стародраченина так рассказал о росписи в своем доме: «У нас внутри стены раскрашены были. Стены были просто тесаные, материал был такой, как крашеный, коричневый, но не крашеные были, просто дерево обтесанное хорошо. Само дерево было коричневое, оно уже, видно, зацвело, и на этом дереве было нарисовано. Нарисованы были цветы букетами, лошади, всадники. Как картина нарисована: люди, одна лошадь стоит — всадник ее за узду держит, второй стоит рядом, с саблями — время-то это было — роговское восстание. Лошади три или четыре нарисованы, всадники — сколько их было, я не помню, но интересно было посмотреть, на этой картине изображение было красивое. Люди в папахах, как форма у них, на груди как патронташ, как казаки — роговское восстание-то было¹. На стенах вокруг казаков — цветы, стена вся была разукрашена».

Запомнилось Николаю Семеновичу и высокое качество росписи в плане ее долговечности: «Отделка хорошая была, какая-то краска, щас такой краски не найдешь, потому что эту краску не отдерешь ничем. Не знаю, кто ее делал, эту краску, где они ее добывали, но ее топором-то не стешешь, так она была влеплена в эти стены».

Жена Николая Семеновича, Надежда Яковлевна Щенникова, 1938 г. р., добавила о краске: «А я думаю, это олифа была — варили же раньше олифу из растительного масла, в русских печках ее томили долго, она

¹ Григорий Федорович Рогов (1883–1920) — красный партизанский командир родом из крестьян, боровшийся на территории Алтая против Колчака. В мае 1920 г. он встал во главе восстания против губернских органов советской власти. Поводом к этому послужил приказ о принудительном разоружении партизанских отрядов и назначение сверху ревкомов вместо выборных советов. 3 июля 1920 г., раненный в бою, он, чтобы не сдаваться в плен, застрелился в с. Евдокимово. Похоронен в с. Хмелёвка Заринского района в братской могиле [3]. Если на этой утраченной росписи в самом деле отражено роговское восстание — а это вполне возможно, учитывая появление новых мотивов в народном искусстве в

1920-х гг., среди которых наиболее частыми были изображения красноармейцев [4, с. 286], то сделана она была после этих событий, то есть году в 1921. Если же это и более ранняя роспись, что вероятнее, если вспомнить, что уральские, к примеру, красильщики на стенах изб рисовали батальные сцены из русско-японской войны [5, с. 164], то тем интереснее факт наполнения старых мотивов новым содержанием, созвучным семейным преданиям или сведениям, почерпнутым из средств массовой информации. Последнее не исключено, ведь разговор с информантом велся в 2007 г. — в год знаменательного, нашедшего отражение в краевой прессе чествования Г. Ф. Рогова в Хмелёвке [6].

была крепкая, не такая, как щас. Я помню, мама у нас томила олифу в печке русской до коричнева, прямо она коричневая была, че туда можно было добавлять, она и так была красивая. Цветную глину для краски брали из Ларионова, с яру – оранжевую, желтую (охра называлась), бордовую. Он и щас, этот яр, живой».

Дудина Екатерина Никифоровна, хозяйка дома, в котором сохранился расписной потолок, рассказала, что раньше расписных потолков в Шлагине было много, а потом их все заштукутирили. В этом доме, в избе, стены были обиты, и на них тоже были цветы. А слева над дверью был нарисован парень, державший за узду коня, и шедшая ему навстречу девка в «сарахфане». Екатерина Никифоровна помнила, как она, маленькая, ползала по полу, раскрашенному желтыми и голубыми клетками. Возможно, тут мы имеем дело с модификацией домовой росписи в виде перенесения уже известных способов декора с наружного оформления дома во внутреннее его убранство, потому что на Русском Севере в конце XIX в. ромбами и клетками расписывали свесы кровли [7, с. 57, 84]. Про пол с цветными ромбами на территории Алтая есть информация и из с. Осколково Алейского района (в 180 км на юго-запад от Стародраченина).

Датировка и направление дальнейших поисков

Сообщения информантов, в том числе история про постройку дома, который не успели раскрасить из-за раскулачивания, позволяет говорить о бытова-

нии домовой росписи на территории Заринского района до начала 1930-х гг., то есть раздвинуть временные рамки минимум лет на десять и говорить о первой трети XX в. как нижней границе существования росписи на Алтае.

Найдка в с. Шлагино, лежащем в непосредственной близости от железной дороги, расписанного потолка также идет вразрез со сложившимися представлениями о том, где искать раскрашенные дома. Ранее считалось, что шансы наткнуться на домовую роспись намного выше в населенных пунктах, расположенных вдали от оживленных транспортных магистралей.

Таким образом, опыт экспедиций в Заринский район еще раз подтверждает необходимость тщательного обследования всех без исключения сел и деревень лесной зоны Алтайского края на предмет наличия стационарной интерьерной и прялочной росписи по дереву.

Многочисленные находки расписных предметов в селах на территории Заринского района и воспоминания жителей говорят о том, что традиция росписи интерьера и прялок была представлена очень цельно. Здесь работало много красильщиков, и даже сейчас можно проследить характерные особенности стиля некоторых мастеров. Их работы отличает качество исполнения, владение традиционной техникой росписи, свобода в трактовке композиций и использовании мотивов. В Заринском районе найдены образцы росписей с необычными, оригинальными идеями и образами, обогатившими наши представления об этом виде художественного ремесла.

Источники и литература

1. Каплан Н. И. Очерки по народному искусству Алтая. М., 1961.
2. Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П. Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930.
3. Шишгин В. И. Гражданская война в Сибири // Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995, с. 121–139.
4. Воронов В. С. О крестьянском искусстве. М., 1972.
5. Барадулин В. А. Народные росписи Урала и Приуралья // Крестьянский расписной дом. Л., 1988.
6. Служили три товарища... // Алтайская правда. 2007. 9 нояб.
7. Севан О. Росписи жилых домов Русского Севера. М., 2007.

X.-М. Ш. Илиуф

Астральный миф о «Трех архарах»

Мифологические представления находили отражение не только в преданиях и сказках, погребальных обрядах и ритуальных предметах, обычаях и запретах, но и в изобразительном искусстве древних. Среди наиболее ранних по происхождению произведений этого вида творчества можно назвать петроглифы. К сожалению, наскальные рисунки в течение веков подвергаются разрушительному воздействию природных факторов. От сезонных перепадов температуры и осадков в виде дождей и тающего снега поверхность камней частями отслаивается, в результате чего многие изображения исчезли или постепенно исчезают либо покрываются разноцветным лишайником. Некоторые рисунки настолько древние, что едва различимы или совершенно поблекли. К сожалению, случается так, что фигуры животных, высеченные на камне древним художником, испорчены нашими современниками, которые пишут поверх свои имена и фамилии или наносят новые рисунки. Для научного исследования об-

наруженных петроглифов и сохранения информации о них следует уделять особое внимание фотофиксации и описанию рисунков, высеченных на камнях.

В августе 2009 г. автором этой статьи в целях фотографирования наскальных изображений вновь был осмотрен небольшой горный массив Кызыл-Кара, расположенный в примерно в 15 километрах на запад от с. Уш-Биик (Жарминский район ВКО). Лишь со второй попытки, благодаря ориентировочным записям в своей старой тетради, удалось найти на склоне невысокого холма у западного края массива ранее виденное изображение горных баранов. (За год до этого вторичный приезд в указанную местность и неоднократный поиск именно этой, ранее обнаруженной и зарисованной композиции был безуспешным.)

Среди нанесенных на камни рисунков животных, людей и иных изображений находятся фигуры трех архаров, стоящих в ряд (рис. 1). Между первым и вторым животным, на уровне их ног имеется круглое пят-